

Внутренняя борьба в Русском государстве обнаружилась уже во время так называемого «стояния на Угре» в 1480 г. — последнего столкновения с ханом, знаменовавшего собой конец татарского ига на Руси. Нашествию хана предшествовало выступление братьев Ивана — удельных князей. Против борьбы с татарами выступили на Угре несколько видных приближенных Ивана III; сторонниками решительного сопротивления были московские «граждане» и ростовский архиепископ Вассиан, призывавший Ивана III в своем «послании на Угру» не слушать своих «прежних развратников» и выступить против хана. Несмотря на некоторые колебания, Иван III не пошел по пути, на который толкали его «прежние развратники», не вступил в переговоры с ханом и не послал к нему своего представителя. В годы, последовавшие за Угрой, приближенные московского князя, скомпрометировавшие себя во время нашествия хана, попали в немилость: опале подвергся Василий Тучко-Морозов, сопровождавший жену Ивана III во время ее панического бегства в 1480 г. (вызвавшего негодование сторонников решительной борьбы);² спустя несколько лет за ним последовал Иван Васильевич Ощера-Сорокоумов, один из наиболее активных противников войны с ханом.³ Едва ли необходимо считать события 1480 г. причиной этих опал; вернее предположить, что «стояние на Угре» было толчком, под влиянием которого противоречия между московским боярством и великим князем обнаружили с достаточной определенностью. В те же примерно годы в опалу попали и представители других московских боярских фамилий — Салтык Травин, Иван Руно и др.⁴

Такова была историческая обстановка, в которой развивалась борьба между главой русской церкви — митрополитом и главой государства — великим князем.

Конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием был важным событием в политической жизни 70—80-х годов XV в. В конфликте этом так или иначе оказались замешанными самые разнообразные политические фигуры: уже известный нам ростовский архиепископ Вассиан, удельный князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский и, наконец, игумен и «старцы» Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов монастырь — крупнейший духовный феодал северной Руси — находился в пределах ростовской епископии и одновременно во владениях белозерского князя. Вопрос о том, кто является верховным сюзереном монастыря, был спорным. Руководящая верхушка монастыря во главе с игуменом Нифонтом поддерживала дружбу с Михаилом Андреевичем — помощь удельного князя оказывалась особенно ценной во время многочисленных земельных тяжб, которые вел монастырь. Так, например, Михаил взял сторону Кириллова монастыря во время столкновения, которое тот имел с другим крупным духовным феодалом — Троице-Сергиевым монастырем. Истцом со стороны Троицкого монастыря выступал его игумен, известный Паисий Ярославов, которого историки обычно считают (без всяких, в сущности, оснований) провозвестником нестяжательства; Михаил, однако, «оправил» представителя Кириллова монастыря и «обвинил» представителя Троицы.⁵

² ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162. Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 225 и 232, а также т. XXIV, стр. 201.

³ К. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев. — ИЗ, № 14, [М.], 1945, стр. 71. Ср.: ПСРЛ, т. VI, 230.

⁴ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 227 и 289.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., № 467.